

БЕРЕЗА РОСЛА, НИЧЕГО НЕ ЗНАЯ ОБ ОРМУЗСКОМ ПРОЛИВЕ

Глава 1.

Сегодня был тёплый день. Так нельзя начинать повествование, поэтому я так и начинаю.

Кроме того, это правда.

Сегодня я не знаю ничего более экзистенциального, чем эта фраза: Сегодня был тёплый день. Это требует разжёвывания в восьми абзацах. Абзац 1.1 про слово «Сегодня». Абзац 1.2 про слово «был». Абзац 2.1 про синтез слов «Сегодня» и «был». Абзац 1.3 про слово «тёплый». Абзац 1.4 про слово «день». Абзац 2.2 про синтез слов «тёплый» и «день». Абзац 3.1 про синтез абзацев 2.1 и 2.2. Потом к этому треугольнику добавляем ещё один абзац, деконструирующий всю конструкцию и завершающий круг, описывающий её. Всё должно замыкаться в круг.

Но если мы замыкаем круг, мы должны добавить девятый абзац, синтезирующий, или, точнее, тавтологизирующий, а, может быть, и аннигилирующий крайние слова: «Сегодня» и «день».

Вот как-то так.

Берёза росла и, поскольку была осень, и был ветер, сбрасывала жёлтые листья на зелёную лужайку.

Хотел написать: странно, что нет гадания по опавшим листьям. Но сначала на всякий случай проверил. Оказывается, есть. Процедура простая: собрать девять листьев по три листа каждого цвета: жёлтого, красного и зелёного. Тогда в предыдущем абзаце нужно поменять «сбрасывала жёлтые листья» на «сбрасывала разноцветные листья». Девять листьев кладут в мешок, перемешивают, а потом вынимают три листа и смотрят, какого они цвета. Как нетрудно догадаться, это сочетание с повторениями из 3 по 3, оно вычисляется по формуле $(3+3-1)!/(3!(3-1)!) = 10$ вариантов. Это если вам не важен порядок, в каком листья вынимаются из мешка. А если важен, то это $3^3 = 27$ вариантов, каждый из которых есть трёхзначное число в троичной системе счисления.

И за каждым вариантом закреплён какой-то смысл. Какой смысл? А какая разница? Можно ведь заранее выбрать любые понравившиеся вам смыслы общим числом 10 или 27, и закрепить их за вариантами.

Есть и другие способы гадания по опавшим листьям, но это вы сами гуглите.

Я же хотел сказать только, что сегодня был тёплый день, и берёза сбрасывала жёлтые (хотя попадались и красные, и зелёные) листья на зелёную (пока ещё) лужайку.

Спокойной ночи.

10 сентября (хотя формально уже 11 сентября 0 часов 33 минуты) 2026 года

БЕРЁЗА РОСЛА, НИЧЕГО НЕ ЗНАЯ ОБ ОРМУЗСКОМ ПРОЛИВЕ

Глава 2.

Комбинаторные числа из главы 1 — 8, 9, 10 и 27 — не имеют никакого смысла. Или (что то же самое) им можно приписать какие угодно смыслы. Такова природа чисел. (Математика вообще очищена от смыслов, тем она и очаровывает, тем она и отвращает, тем она и полезна.)

Такова же природа ночного дождя. Вот он шумит монотонно, как проходящая электричка, которая проходит, проходит, проходит и никак не пройдёт. Такая же длинная как ночной дождь. Электричка движется по кругу, поэтому и не может пройти. А ночной дождь всё-таки к утру проходит. Но пока он не прошёл, он кажется бесконечным,двигающимся по кругу, полным глубокого и таинственного бессмысленного смысла.

Очищение от смыслов является неременным предварительным условием стихосложения. Слова отдельно, смыслы отдельно. Тогда их можно комбинировать друг с другом, выбирая рёбра двудольного графа, в котором одно множество вершин — это слова, а другое — смыслы. У слова может быть несколько смыслов, у смысла может быть несколько слов.

Когда стихотворение написано, у его слов появляются новые смыслы, и иногда у смыслов появляются новые слова. Ради чего, собственно, стихи и пишутся.

Кроме того, в стихе слова соединяются друг с другом и, тем самым, смыслы соединяются друг с другом. И это уже не двудольный граф, а, фактически, любой граф вплоть до полного графа, в котором всё связано со всем.

А что такое смысл? Когда мы говорим, что смысл этого вот в том-то? По сути, мы просто отсылаем от одного слова (это) к другому слову (то-то) или словам. То есть смысл — это соединение слов. А тогда удобнее рассматривать граф, вершинами которого будут слова, а рёбрами — соединяющие их смыслы. Точнее, ориентированными рёбрами, т.е. дугами.

В этом графе будут и петли — это когда слово имеет несколько смыслов, выражаемых тем же самым словом. Такое слово кружится по своим орбитам-рёбрам-петлям, как проходящая / не проходящая электричка, как ночной дождь.

В этом графе будут и кратные рёбра, направленные в одну сторону, — это когда одно слово выражается другим словом в нескольких смыслах. Как

дождь выражается проходящей / не проходящей электричкой, или наоборот. Или кратные разнонаправленные рёбра, как дождь выражается проходящей / не проходящей электричкой, а проходящая / не проходящая электричка выражается ночным дождём.

Важно, чтобы дождь был ночным. Тогда он шумит даже угрожающе. Ночь рождает страхи, дождь их озвучивает. Ночной страх — это отзвук того ужаса небытия, о котором писал философ Арсений Чанышев. В некотором роде ужас небытия то же самое, что очищение от смыслов. В небытии всё время идёт ночной дождь, которого нет, потому что ничего нет.

Ночь — это слово, дождь — это слово, страх — это соединяющее их ребро графа. Но ведь и страх — тоже слово. Никуда не деться от слов. А деться нужно, если мы хотим увидеть смыслы, даже если только для того, чтобы от них очиститься.

Как говорил Чжуан Чжоу, «где бы мне найти человека, забывшего слова, чтобы с ним поговорить». Ищи такого человека в себе. Нейронная сеть нашего мозга мыслит ведь не словами, а смыслами. Это особенно понятно, когда просыпаешься среди ночи от шума ночного дождя: снился сон, в котором всё было ясно и понятно, хотя и тревожно, но любая попытка выразить его словами обречена на неудачу. Слова осыпаются с конструкции смыслов, как обветшавшая нестойкая краска под ночным дождём.

И всё-таки связь смыслов со словами настолько прочная, что разрушаясь, тут же восстанавливается, хотя, быть может, и в другой конфигурации. Наша нейронная сеть, может быть, и мыслит смыслами, а не словами, но наше «я» понимает только слова. И чтобы понять, что себе намыслила наша нейронка, она под дороге к «я» налепляет на помысленное много слов.

Где-то между ночным дождём и ночной электричкой сидят Чжуан Чжоу с Арсением Чанышевым и беседуют за чашкой чая. Ночь-чай почти рифма, то есть короткое замыкание слов и смыслов.

11 сентября 2026 года, 12 часов 22 минуты.

БЕРЁЗА РОСЛА, НИЧЕГО НЕ ЗНАЯ ОБ ОРМУЗСКОМ ПРОЛИВЕ

Глава 3.

Я долго думал: воровать — не воровать? Общепринято, что воровать плохо. Опять же восьмая заповедь. А с другой стороны, разве не этим мы всё время занимаемся? Разве не этим занимались великие? Разве не в этом сам смысл культуры, просвещения, что лучше всего выражает китайское слово *вэнь* 文.

Цитирую «Синологию.ру»: «Этимологическое значение иероглифа *вэнь* — татуировка, узор, орнамент... Исходным материальным прообразом культуры в Китае стала ткань, о чем свидетельствует архаическое значение иероглифа *вэнь* — «тканый предмет, тканое узорочье» («Шу цзин», гл. 6). Детально проанализировавший эту тему А.М. Карапетьянц даже пересмотрел традиционную этимологию *вэнь*, предположив его происхождение от изображения переплетающихся нитей, родственность с иероглифом *яо* 交, обозначающим отдельную черту символа гуа (три-, гексаграммы) «Чжоу и» и дописьменное значение — «тканый орнамент».

Кстати, и русское слово «текст» (по-китайски тоже *вэнь* 文) происходит от латинского «textus» — «сплетение», «ткань».

Переплетающиеся нити культуры — это нити заимствований, аллюзий, реминисценций и т.п. Само употребление слов — уже заимствование, ведь не сам же ты придумал это слово. Кроме, конечно, неологизмов, да и то: хороший неологизм — это заимствованное, но искажённое слово. Тем более, когда речь идёт об идеях, сюжетах, темах и др.

Кроме того, воровство воровству рознь. Воровать чужие вещи нехорошо, думаю, что восьмая заповедь об этом (как, кстати, и седьмая, да и шестая тоже, хотя тут не совсем «вещи»). Но, употребляя слово научного канцеляризма, «информация» — это совсем другое. Вещь перемещается с одного места в другое место, от одного владельца к другому владельцу. А информация копируется, она появляется тут и сохраняется там.

Поэтому авторское право, издательское право и т.п. тормозят развитие культуры. Это изобретение нового времени — продукт всё возрастающей жадности людской, желающей всё монетизировать. Этого изобретения нового времени не знали благословенные прошлые времена.

Воровство нематериального подобно воровству солнечного света, проливающегося сейчас на землю и освещающего всё подряд: и забор, и берёзу за забором, и траву у забора, и мой дом с этой стороны забора, и дом соседа по ту сторону забора, и жмущуюся кошку, и меня, и тебя, без различия и дискриминации. Кстати, то же самое делают и ночной дождь и звук проходящей / не проходящей электрички, о которых шла речь в главе 2. Но на эти природные явления банкиры и министры не наложили свои законы и правила. Пока.

Итак, сворую-ка я персонаж, придуманный Брониславом Виноградским и (по некоторым источникам) означающий самого Бронислава Виноградского. Зовут его Вэй Дэ-хань 魏德汉, что можно перевести как «Обладающий силой и благодатью китайской традиции» или в вольном переводе — «Сила из Китая». Обычно он говорит всякую чушь, исполненную глубокого, но тщательно запрятанного смысла.

Но, поскольку воровство должно быть творческим, у моего персонажа будет другое имя — И Бу-дао 易不道, что можно перевести как «Искусство Перемен (易) не заговаривает само / не разглашается впустую» или «Перемены не следуют одному пути» или «И Цзин невозможно выразить словами». А ещё это может быть опечаткой вместо популярного северного диалектизма чжи-бу-дао 知不道, означающего «Не знаю» (синоним стандартного бу-чжи-дао 不知道).

Итак, жил-был один глупый И Бу-дао, который любил говорить:

НИКОГДА НЕ ПОДНИМАЙ ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ!

и непременно добавлял:

ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!

11 сентября 2026 года, 14 часов 48 минут.

БЕРЁЗА РОСЛА, НИЧЕГО НЕ ЗНАЯ ОБ ОРМУЗСКОМ ПРОЛИВЕ

Глава 4.

Сидит глиняный мужик с бородой, в рубашке цвета морозного неба и штанах цвета лесного волка. Одну руку он опустил на большую и плоскую круглую шляпу от солнца, в другой держит сложенный веер. Мужик внимательно смотрит на две узкие маленькие фарфоровые вазы. На одной нарисованы нераспустившиеся лотосы, на другой распустившийся пион. Пион небесно-синий, стебли и листья лотосов тоже небесно-синие, а на кончиках бутонов штрихи киновари. Из вазочек торчат астры цвета от лавандового розового до очень бледно-пурпурного и белые флоксы. Засыхающие.

Справа от вазочек лежат, одна на другой, две коробочки с прозрачным верхом, скорее всего, пластмассовым. В них хранится сухая чёрная тушь. Дальше кривоватая глиняная ваза цвета горного луга с вырезанным растительным орнаментом, из которой торчат большие кисти. Маленькие кисти торчат из простой стеклянной банки, стоящей рядом.

За вазочкой с нарисованным лотосом и торчащими астрами спрятался мужичок из тяжёлого дерева, поменьше, постарше, сгорбленный, с большой бородой и большим посохом в руке. Он смотрит в себя.

Рядом с глиняным мужиком стеклянная чернильница нефритового цвета с рельефной надписью «Gesetzlich geschützt», что означает «защищено законом». Чернильница заткнута пробкой, на чернильнице есть полочка, на которую следует класть ручку. Но на полочке лежит не ручка, а чёрный колпачок от китайской кисти. Другой колпачок, тоже чёрный, но с золотым ободком, лежит рядом.

Левее чернильницы картонная коробка, в которой находится круглая каменная тушечница, а крышка тушечницы почему-то лежит сверху на коробке. На крышке маленький мешочек с завязками, в котором спряталась печать с надписью в стиле чжуань, означающая «обычное сердце». В этом мешочке есть что-то шаманское, а что, не скажу.

Глиняный и деревянный мужики, вазочки, коробочки с тушью, стеклянная чернильница и колпачки от кистей лежат и стоят не на столе, а на большом деревянном плоском ящике, покрытом винно-красным лаком, на котором вырезаны жёлтые иероглифы и извивающиеся линии облаков. В ящике кисти с резными ручками, ещё одна каменная тушечница в форме горного озера, подставки для кистей, две маленькие фарфоровые и одна большая

каменная, киноварь в фарфоровой круглой баночке, благовонные тонюсенькие палочки в футляре, напоминающем футляр для ртутного градусника, и подставки с дырочками для втыкания этих палочек.

Картонная коробка с круглой каменной тушечницей, крышка от неё и мешочек с печатью тоже лежат не на столе, а на жёлтой коробке, обтянутой парчой с облачным рисунком. В этой коробке ручки для писания кистью и горсть чернильных капсул для этих ручек.

Деревянный ящик, картонная коробка, ваза цвета горного луга с большими кистями и стеклянная банка с маленькими кистями лежат/стоят уже на столе. Стол круглый и накрыт вязаной скатертью цвета бедра испуганной нимфы, скатерть покрыта овальными дырочками, цветами и листьями. Сквозь дырочки проглядывает деревянная поверхность стола цвета светлой терракоты.

На остальной части стола есть много чего ещё, но перечислять это, что воду в ступе толочь. Как говорил персонаж И Бу-дао, выпивший вина и ставший от этого цвета пощечки меня,

НЕТ НИЧЕГО СПОКОЙНЕЕ СТОЯЧЕЙ ВОДЫ. НЕ БАЛАМУТЬ!

и непременно добавлял:

ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!

12 сентября 2026 года, 11 часов 31 минута.

БЕРЁЗА РОСЛА, НИЧЕГО НЕ ЗНАЯ ОБ ОРМУЗСКОМ ПРОЛИВЕ

Глава 5.

Соседи принесли нам огромный букет розовых астр. Слово «астра» означает «звезда». А на самом деле, это не астры: то, что мы называем астрами, это каллистефус китайский (кто бы сомневался, что китайский). А каллистефус — это прекрасная корона.

Но я всё равно буду говорить «астры», потому что мне нравятся звёзды.

Наличие звёзд на небе воспринимается как вызов. Солнце понятно, оно нас греет и светит днём, Луна тоже понятно, она рядышком, освещает ночные тропинки и вдохновляет поэтов.

А звёзды зачем?

Об этом уже столь много сказано, что так и остаётся непонятным. Лично мне именно сейчас именно здесь больше всего нравится такое определение:

Звёзды — это цветы космических деревьев.

Будем считать, что эти цветы — астры. Этим и замкнём круг, круги должны быть замкнуты.

Но больше я не буду об этом говорить. А скажу я вот что. Точнее, спрошу:

Как найти слово?

В бесконечном океане смыслов, волнующемся у нас в голове, время от времени всплывает какой-нибудь смысл. Как только мы его помыслим, а точнее, почувствуем, нам тут же нужно его назвать. Потому что пока он не назван, его вроде как и нет, а есть только смутное ощущение. Вообще-то это смутное ощущение и есть смысл, но смысл без имени — всё равно, что дух без тела: никто его не видит и не слышит. А нам нужно не только увидеть и услышать, но и пощупать. Ну, так уж мы устроены.

Назвать — это значит подобрать слово. Конечно, иногда смысл всплывает сразу вместе со словом, такой смысл мы даже не замечаем, а замечаем слово, как замечают человека как его тело, а что у него где-то там есть дух, душа и прочее, это как бы предполагается, но не ощущается.

А иногда смысл всплывает, а слова-то и нет. Ищешь, ищешь и никак не можешь найти. И это не подходит, и то не точно. Оно и понятно: океан смыслов бесконечен, а словарь конечен.

Зато язык бесконечен. И если долго искать, рано или поздно можно найти: или слово, или фразу, или даже абзац, а то и страницу, а то и толстую книгу, или собрание сочинений, что можно с более-менее уверенностью считать названием смысла.

Тут всё понятно, хотя и ничего не понятно. Но вот когда пишешь стихи, эти сгустки, то тебе нужно именно слово, а его всё нет и нет. Некоторые даже выдумывают новые слова, это, конечно, эффектно, но пахнет шарлатанством. Иногда так можно, а иногда нет: не всякий всплывший смысл желает надеть на себя ново-выдуманное слово.

Как же поэты выкручиваются?

А вот так: стихи — это не столько речь, сколько бормотание и заклинание. Строго говоря, тут слова вообще не важны, а важен тот смысл, который этим заклинанием-бормотанием воспроизводится.

А для этого слова очень даже важны, слова-то важны, а вот их словарные значения как-то мистически трансформируются, интерферируют и дифрагируют. Так ведёт себя свет, так ведь стихи и есть свет: то яркий солнечный, то ночной лунный, то от свечки, то от костра, то от прожектора, а то от светячков.

И вот такое слово, чтобы вставить его в стих, уже можно найти. Если хорошенько поискать. Хотя лучше всего взять первое попавшееся слово. Ведь если ты бредёшь по дороге, а лучше сказать, по бездорожью смыслов и правильно выбираешь направление, то первое попавшееся тебе слово и будет тем самым искомым словом. Нужно только заметить его и понять, т.е. наполнить смутно ощущаемым смыслом и упорядоченно окружить другими словами. Как сказал Александр Воловик, стихотворение — это упорядоченный набор штук.

И вот сегодня ночью встретил я такое слово, точнее, два слова. И написал такое стихотворение:

ЛЕТЯЩАЯ ПТИЦА

Летящая птица,
блеснувшая речка.

Летящая птица,
еловые свечки.

Летящая птица,
дорога и мостик.

Летящая птица,

обочина, кости.

Летящая птица,
маковки церквей.

Летящая птица,
подковы коней.

Летящая птица,
поваленный лес.

Летящая птица,
мышкующий лис.

Летящая птица,
поломана крыша.

Летящая птица,
бегущие мыши.

Летящая птица,
горшок на плетне.

Летящая птица,
пустоты в окне.

Летящая птица,
бегущий олень.

Летящая птица,
упавшая тень.

Летящая птица,
разрушенный дом.

Летящая птица
с железным крылом.

Летящая птица.

ночь с 12 на 13 сентября 2026 года, примерно 5 часов 30 минут, записано
13 сентября 2026 года 10 часов 58 минут

Как говорил персонаж И Бу-дао, кряхтя слезающий с кровати:

Я КОГДА СПЛЮ — ЛЕТАЮ. А КОГДА НЕ СПЛЮ — ПОЛЗАЮ. КТО Я?

и непременно добавлял:

ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!

13 сентября 2026 года, 11 часов 51 минута, поправлено в 11 часов 57 минут.